

— А то! — Лодочник говорил так уверенно, словно сам своими ушами слышал. — Говорят, жуть как страшно было, многие тут же на землю повалились, лбом об пол застучали. Но вот что удивительно — несколько поклонов отбили, и дома трястись перестали, землетрясение затихло. Всё равно, правда, несколько человек померло. Но это не самое странное. Самое странное — после землетрясения на улицах города множество мелких трещин появилось, и будто бы из них чего-то повыползло. Не то черви, не то ещё что. Я не очень расслышал. Короче говоря, бардак там.

Услышав это, лицо Цзян Шинина сразу потемнело. Хотя, будучи призраком, он и так был землисто-зелёным на сто ли вокруг, красотой не отличался.

После этого каждый на лодке погрузился в свои мысли, и до самого конца пути никто не проронил ни слова.

Ещё через полчаса лодочник наконец причалил к берегу в маленьком, неприметном, с ладонь величиной, городке Ванцзян, что относился к управе Аньцин.

Место их высадки называлось Переправа Гуаньинь. У причала ютились несколько постоянных дворов, чайных да винных лавчонок, все маленькие и старые. В сплошной снежной пелене идти пешком было никак нельзя, тем более что среди них был Сюэ Сянь, которому шагать было неудобно.

Цзян Шинин, едва сойдя на берег, поспешил, прикрываясь от снега, спросить у человека у чайной:

— Здесь можно нанять повозку?

— В такую погоду не нанять, — ответил мужчина, прятаясь в чайной от ветра и гревший руки о чашку. — На днях землетрясение было. Дома устояли, а вот навесы — не очень, много лошадей да вьючного скота задавило. Бегать не могут — значит, и повозки тянуть не могут. Поблизости и семьи, у которой бы ослиную телегу нанять, не сыщешь, и не мечтайте.

По щеке мужчины шли три длинных шрама, смотрелось жутковато, будто его какая-то хищная тварь цапнула. Он прищурился, допил залпом свой горячий чай и, покосившись на Цзян Шинина, спросил:

— А вы куда?

— Чуть севернее, в уезд Цинпин, — ответил Цзян Шинин.

Шрамолицый внимательно его оглядел:

— Учёный? К родне?

Цзян Шинин кивнул.

Тот поставил чашку на стол стукнув, приподнял подбородок и спросил:

— А те, что снаружи, с тобой?

Цзян Шинин обернулся и увидел, что Сюань Минь как раз несёт на руках того самого барина, что ходить не может. Ещё в уезде Волун Сюэ Сянь пытался сопротивляться, хотел принять позу поприличнее, но успеха так и не добился. Теперь, видимо, смирился и плюнул...

Рядом с ними семенили, втянув головы в плечи и засунув руки в рукава, Каменщик Чжан и безучастный Лу Няньци.

Старые и малые, да ещё и чудовище какое-то — выглядели они прямо как семья с малыми детьми и стариками на руках, наводили тоску одним видом. Бедный монах, — мысленно посочувствовал Цзян Шинин. Затем повернулся к шрамолицему, сложил руки в приветственном жесте и собрался посоветоваться с Сюань Минем: может, переночевать тут в постоялом дворе, а там, глядишь, снег перестанет.

— И не надейтесь, что снег перестанет, — шрамолицый, кажется, угадал его мысли. Он обтёр рот, взял со стола длинный свёрток, завёрнутый в тряпье, и сказал:

— Пойдёмте, подбросим. Мы как раз в сторону Цинпина направляемся.

«Мы?»

Цзян Шинин опешил. И тут, когда шрамолицый поднялся, из чайной один за другим поднялись ещё восемь-девять человек — мужчины и женщины, старые и молодые.

Сюань Минь как раз переступал порог, услышал слова шрамолицего и поднял глаза на Цзян Шинина:

— Что?

— Этот старший брат добрый, говорит, может нас подбросить, — пояснил Цзян Шинин.

Пока он говорил, шрамолицый уже подошёл к выходу. Случайно скользнув взглядом по тому, что Сюань Минь держал на руках, он вдруг замер и, тыча пальцем, спросил:

— А это что за штуковина?

— Человек, — бесстрастно ответил Сюань Минь.

— Мёртвый? — Шрамолицый, смотря на голову, завёрнутую в чёрную ткань, нахмурился. — Тогда как-то неудобно. У нас ведь и старые, и малые есть, как бы чего не вышло, если...

Не успел он договорить, как Сюэ Сянь, твёрдо решивший притвориться мёртвым, услышав, что тот, кажется, передумывает, тут же откинул чёрную ткань и с каменным лицом, нараспев проговорил:

— Не умер, живётся хорошо.

Шрамолицый: «...»

Цзян Шинин за его спиной молча отвернулся, размышляя: если нас ещё и за сумасшедших примут, и на повозку не пустят, вот будет потеха.

Кто бы мог подумать, что шрамолицый окажется человеком крепких нервов. Он безмолвно, глаза в глаза, посмотрел на Сюэ Сяня, скользнул взглядом по его бледной коже, затем по бесстрастному лицу Сюань Миня. Видимо, решил, что от таких людей особых бесчинств ждать не приходится, кивнул и сказал:

— Ладно, нечего тут топтаться. Пошли скорее! К вечеру снег усилится, дорога тогда совсем плохой станет.

У шрамолицего и его людей было три повозки и одна телега.

Повозки были не маленькие, внутри помещались четверо. На телеге везли поклажу и разный скарб.

Цзян Шинин постоял у этого небольшого обоза, хотел уже спросить шрамолицего, чем они занимаются, но только открыл рот, как почувствовал, что чья-то слегка горячая ладонь легла ему на руку.

Он опешил, обернулся и увидел, что рядом стоит Сюань Минь, а руку ему положил Сюэ Сянь.

Тот барин приподнял чёрную ткань, прикрывавшую лицо, открыл один глаз, прищурился, приложил указательный палец к губам, тихо «тсс» и, понизив голос, сказал:

— Не спрашивай. И не пугай их. Садись в повозку и всё. Только близко к ним не подходи.

Возможно, из-за того, что голос Сюэ Сяня прозвучал слишком тихо, у Цзян Шинина по спине пробежали мурашки.

Примечание автора: Кстати, всё забывал сказать: географические названия в тексте — крупные, вроде областей и управ, — настоящие, так проще пространственное представление выстроить. А вот уезды все вымышленные.

Шрамолицый выглядел свирепым, казался не из приятных в общении, но на деле оказался добряком. Если точнее, то и все его попутчики, и старые и малые, были людьми отзывчивыми. После того как шрамолицый им всё объяснил, они не только не выказали ни малейшего недовольства, но и сами расступились, уступив Сюэ Сяню и компании целую пустую повозку.

В такую снежную погоду дороги в горной местности и деревенской глуши были трудными. Видимо, чтобы никто не отстал, повозки были связаны друг с другом верёвками, одна за другой, а в самом конце тащилась гружёная всяким добром телега.

Шрамолицый, плотно укутав лицо и голову и затолкав за пазуху крепкой выпивки, устроился на облучке первой повозки, затем крикнул остальным убрать подпорки из-под колёс.

— Тронулись! Держитесь покрепче! — крикнул он назад и погнал лошадей.

Сюэ Сянь и его спутники уселись в третью повозку. Места на четверых, а село их пятеро — теснотой не пахло, в основном потому что Цзян Шинин был худющим, а Лу Няньци по сложению и вовсе был полурёбёнком. Так что места оставалось даже с избытком.

Сюань Минь в обычное время не любил вступать в разговоры, и, кроме Сюэ Сяня, никто не смел вести себя с ним панибратски. Сидя в повозке, все робко сторонились его. Что до Сюэ Сяня...

Каменщик Чжан при виде него был как мышь перед котом. Стоило тому на него взглянуть, как у него тут же мурашки по коже бежали, будто в любую секунду на его голову могла обрушиться небесная гроза безо всякого предупреждения.

Поэтому, рассаживаясь в повозке, Каменщик Чжан, Лу Няньци и Цзян Шинин с неммым согласием уселись по одну сторону, оставив противоположную тем двоим, с кем лучше не связываться.

Сюэ Сянь, держа в руках чёрную одежду, которой прикрывал голову и лицо, выпрямился, скользнул взглядом по противоположной стороне, затем по своей, и, язвительно ухмыльнувшись, обратился к Каменщику Чжану и другим:

— Большое вам спасибо.

Каменщик Чжан с плачевным видом отвёл глаза: «...» Нас же трое, почему он со мной одним разговаривает?

Шрамолицый и его люди, судя по всему, немало поездили по свету. Лошади и ослы, таскавшие повозки, от долгой беготни обрели сноровку. Лишь один он, управляя первой повозкой, задавал направление и скорость, а остальные послушно следовали за ним, что избавляло от лишних рук.

Устройство повозки тоже было продуманным. Занавески на окнах были специально подбиты толстым войлоком, тяжёлые, чтобы не поднимались от ветра и не пропускали холод.

Между сиденьями с двух сторон стоял узкий столик, высотой как раз удобно — и ноги не упирались, и вещи положить можно. В углу повозки железной полосой был прибит полукруглый держатель, а в нём стояла небольшая чашечка для масла и фитиля — в любой момент можно было снять и зажечь. По бокам аккуратно сложены были тонкие стёганые одеяла — небольшие, такие, какими старики зимой укрывают колени и ноги от ветра.

— Всё обустроено с умом, — внимательно оглядевшись, заметил Каменщик Чжан. — Видно, люди, что весь год в пути, почти домом своим повозку считают.

<http://bllate.org/book/16289/1468037>